

Сколько бы философия, занимающаяся общественными вопросами, ни обвиняла мое занятие в незнании и бесплодности, может статься, и мне оно когда-нибудь так же полюбится, как ему. Я держусь того мнения, что наиболее достойная деятельность – это служить обществу и приносить пользу многим. *Fructus enim ingenii et virtutis ommsque praestantiae turn maximus accipitur, cum in proximum quemque confertur.*⁸⁶ Что до меня, то я отступаю от этого, частью сознательно (ибо, хорошо понимая, сколь великое бремя возлагает деятельность подобного рода, я так же хорошо понимаю, сколь ничтожные силы я мог бы к ней приложить; ведь даже Платон, величайший мастер во всем, касающемся политического устройства, – и он не преминул от нее уклониться), частью по трусости. Я довольствуюсь тем, что наслаждаюсь окружающим миром, не утруждая себя заботой о нем; я живу жизнью, которая всего-навсего лишь извинительна и лишь не в тягость ни мне, ни другим.

Никто с большей охотой не подчинился бы воле какого-нибудь постороннего человека и не вручил бы себя его попечению, чем это сделал бы я, когда бы располагал таким человеком. И одно из моих теперешних чаяний состоит в том, чтобы отыскать себя зятя, который смог бы покоить мои старые годы и убаюкивать их и которому я передал бы полную власть над моим имуществом, чтобы он им управлял, и им пользовался, и делал то, что я делаю, и извлекал из него, без моего участия, доходы, какие я извлекаю, при условии, что он приложит ко всему этому душу поистине признательную и дружественную. Но о чем толковать? Мы живем в мире, где честность даже в собственных детях – вещь неслыханная.

Слуга, ведающий в путешествиях моею казной, распоряжается ею по своему усмотрению и бесконтрольно: он мог бы плутовать и отчитываясь передо мной; и если это не сам сатана, мое неограниченное доверие обязывает его к добросовестности. *Multi fallere docuerunt, dum timent falli, et aliis ius pessandi suspicando fecerunt.*⁸⁷ Свойственная мне уверенность в моих людях основывается на том, что я их не знаю. Я ни в ком не подозреваю пороков, пока не увижу их своими глазами, и я больше полагаюсь на людей молодых, так как считаю, что их еще не успели развратить дурные примеры. Мне приятнее раз в два месяца услышать о том, что мною издержано четыре сотни экю, чем каждый вечер услаждать свой слух докучными сообщениями о каких-нибудь трех, пяти или семи экю. При всем этом я потерял от хищений такого рода не больше, чем всякий другой. Правда, я сам способствую своему неведению: я в некоторой мере сознательно поддерживаю в себе беспокойство и неизвестность относительно моих денег, и в какой-то степени я даже доволен, что у меня есть простор для сомнений. Следует оставлять немного места и нечестности и неразумию вашего слуги. Если нам, в общем, хватает на удовлетворение наших нужд, то не будем мешать ему подбирать эти разбросанные после жатвы колосья, этот излишек от щедрот нашей фортуны. В конце концов я не столько рассчитываю на преданность моих людей, сколько не считаюсь с причиняемым ими уроном. О гнусное или бессмысленное занятие – без конца заниматься своими деньгами, находя удовольствие в их перебирании, взвешивании и пересчитывании! Вот поистине путь, которым в нас тихой сапой вползает жадность.

На протяжении восемнадцати лет я управляю моим имуществом и за все это время не смог заставить себя ознакомиться ни с документами на владение им, ни с важнейшими из моих дел, знать которые и позаботиться о которых мне крайне необходимо. И причина этого не в философском презрении к благам земным и преходящим; я вовсе не отличаюсь настолько возвышенным вкусом и ценю их, самое малое, по их действительной стоимости; нет, причина тут в лени и нерадивости, непростительных и ребяческих. Чего бы я только не сделал, лишь бы уклониться от чтения какого-нибудь контракта, лишь бы не рыться в пыльных бумагах, я, раб своего ремесла, или, еще того хуже, в чужих бумагах, чем занимается столько людей, получая за это вознаграждение. Единственное, что я нахожу поистине дорого стоящим, – это заботы и труд, и я жажду лишь одного: окончательно облениться и проникнуться ко всему равнодушием.

Я думаю, что мне было бы куда приятнее жить на иждивении кого-либо другого, если бы это не налагало на меня обязательств и ярма рабства. Впрочем, рассматривая этот вопрос основатель-

⁸⁶ 3 Плоды таланта, доблести и всякого нашего дарования кажутся нам наиболее сладкими, когда они приносят пользу кому-либо из близких (лат.). Цицерон.

⁸⁷ 1 Многие подали мысль обмануть их, ибо обнаружили страх быть обманутыми, и, подозревая другого, предоставили ему право на плутни (лат.). – Сенека.